Аманда Дж. Стайгер "Когда мое сердце станет одним из тысячи" (отрывок)

На подходе к подъезду я застываю. Меня поджидает худой лысеющий человек лет сорока в круглых очках и вязаном жилете, у его ног стоит портфель, руки скрещены на груди.
— Доктор Бернхардт! — выпаливаю я.
— Рад, что застал тебя. Я звонил в домофон и уже собирался уходить.
Я прижимаю покупки к груди:
— Мы ведь встречаемся по средам, а сегодня понедельник. Зачем вы пришли.
— Мне нужно было перенести нашу встречу.
Я пытался тебе дозвониться, но ты никогда не берешь трубку. Я прекрасно знаю, что ты не любишь сюрпризы, но раз уж так вышло, тебе стоит проверять иногда голосовую почту.
В его тоне прозвучала нотка, в которой я могу распознать усмешку.
Доктор Бернхардт — социальный работник. Благодаря ему я могу жить самостоятельно, хотя мне еще нет восемнадцати.
— Ну что,— говорит он,— впустишь меня?
Я тяжело вздыхаю и открываю дверь:
— Ладно.
Мы входим в подъезд и поднимаемся по потертым ступеням на третий этаж. В подъезде перед моей квартирой на выцветшем то ли бежевом, то ли голубом ковре растеклось большое пятно от пролитого напитка или засохшей крови. Как и презерватив на дереве, оно здесь с тех пор, как я сюда переехала. Доктор Бернхардт, перешагивая пятно, морщит нос.
Внутри он осматривается. Пара нестираных джинсов лежит на полу рядом скучей журналов с судоку. Полупустой стакан с апельсиновой газировкой стоит на кофейном столике среди крошек. Спортивный лифчик свисает с телевизора.
— Знаешь, — замечает он, — со всей твоей любовью к планированию, я думал, ты чуть больше будешь беспокоиться о гигиене.
— Я собиралась убраться перед вашим приходом, — бормочу я. Беспорядок мне не мешает, если я сама его учинила. Бардак в моей квартире привычен, и в нем легко ориентироваться.
Когда я вхожу на кухню, в раковину спрыгивает и исчезает в стоке двухвостка. Я бросаю покупки на столешницу, открываю холодильник и убираю в него апельсиновую газировку. Доктор Бернхардт заглядывает через мое плечо, изучая содержимое холодильника: картонная коробка с остатками китайской еды, заплесневелые остатки сэндвича с ветчиной, баллон взбитых сливок и немного горчицы.
Он вскидывает брови:
— А полезное здесь есть что-нибудь?
Я закрываю дверь холодильника:
— Собиралась завтра пойти за продуктами.
— Тебе просто необходимо покупать фрукты и овощи хотя бы изредка.
— Вы что, обязаны отчитываться о моем рационе.
— В конце вопроса интонация идет вверх, помнишь? Иначе люди не поймут, что ты их о чем-то спрашиваешь.
Мне кажется, по структуре предложения это и так понятно, но я повторяю вопрос, выделяя два последних слова: «Вы что, обязаны отчитываться о моем рационе?»
— Нет, я просто даю тебе совет. Ты же в курсе, что это часть моей работы?
— Вы мне вопрос сейчас задаете.
— Риторический — Он проходит в гостиную. — Можно я сяду?
Я киваю. Он присаживается на диван и сцепляет руки, изучая меня поверх своих маленьких круглых очков:
— Все еще работаешь в зоопарке?

— Да.
— Ты не задумывалась о том, чтобы поступить в колледж?
Он уже несколько раз задавал этот вопрос, и ответ мой был неизменным: «Я не могу себе этого позволить». Вряд ли я получу стипендию, ведь я бросила старшую школу, и не потому, что мне не давались какие-то предметы, а просто потому, что ненавидела там находиться. Я окончила среднюю школу, но большинству колледжей нужен аттестат о полном среднем образовании.
— В любом случае, мне нравится работать в зоопарке.
— Так, значит, тебя устраивает такое положение дел?
— Да.— По крайней мере, это лучше, чем могло бы быть.
До того, как у меня появилась квартира, я жила в пансионе для сложных подростков. Я делила комнату с девочкой, которая до крови грызла ногти и будила меня среди ночи криками в ухо. Кормили там отвратительно, а пахло еще хуже.
Три раза я пыталась оттуда сбежать. На третийраз меня поймали спящей на лавке в парке и осудили за бродяжничество. Когда судья спросила, почему я пыталась сбежать, я сказала, что лучше быть бездомной, чем жить в таких условиях. Предварительно изучив вопрос, я попросила ее назначить мне отмену опеки, чтобы я могла жить самостоятельно. Она согласилась, но только при условии, что кто-то будет регулярно меня проверять. Так доктор Бернхардт стал моим опекуном, по крайней мере на бумаге. Он обязан навещать меня дважды в месяц, кроме этого нас ничто не связывает, и это меня вполне устраивает.
Тем не менее я не забываю, что он может отправить меня обратно в пансион. Или куда-то похуже.
— Можно задать тебе личный вопрос, Элви?
— Разве, если я откажусь, это что-то изменит.
Он хмурится, сводя брови к переносице. Он сердится или расстроен, сложно сказать. Я отвожу глаза:
— Ладно. Задавайте.
— У тебя есть друзья?
— У меня есть животные на работе.
— Друзья, которые умеют говорить? Попугаи не в счет.
Я отвечаю не сразу:
— Мне они не нужны.
— Ты счастлива?
Еще один риторический вопрос: разумеется, я вряд ли вписываюсь в представление большинства людей о счастливом человеке. Но это не имеет никакого значения. Счастье меня не интересует. Мне важно выжить и сохранить рассудок. Сказать, что я несчастна, это то же, что сказать, что уголодающего бездомного нет приемлемого пенсионного обеспечения. Может, это и так, но к делу это никак не относится.
— Я чувствую себя стабильно. У меня уже несколько месяцев не было срывов.
— Да, но я не о том спрашиваю.
— Я не понимаю смысл вашего вопроса, доктор Бернхардт.
Он глубоко вздыхает:
— Я, конечно, не твой психотерапевт, но меня назначили следить за твоим благополучием. Прекрасно понимаю, что тебе нравится быть независимой, но мне было бы гораздо спокойнее, если бы у тебя был хотя бы один друг, на которого можно положиться. Ты когда последний раз говорила с кем-нибудь вне работы?
До сих пор моя социальная жизнь или ее отсутствие его не особенно волновали. С чего вдруг это стало проблемой? Я покачиваюсь на стопах, с пятки на мысок:
— Я не как остальные, вы же знаете.
— На самом деле, думаю, ты переоцениваешь свою исключительность. Может, начать, ну не знаю, с какого-нибудь чата? Людям с трудностями в социализации часто проще дается онлайн-общение. Вдруг получится найти кого-то со схожими интересами?
Я не отвечаю.

— Слушай, Элви, я на твоей стороне, осознаешь ты это или нет. Эти слова я уже много раз слышала от разных взрослых и давно им не верю.
— Но то, как ты живешь, — это... нездоро ничего не изменится, мне придется порекомендовать судье, в качестве условия твоей дальнейшей независимости, назначить тебе психолога. Паника подпрыгивает в моей грудной клетке, но я стараюсь никак ее не выдать.
— Мы закончили.
Он вздыхает.
— Полагаю, что так. — Он берет портфель и направляется к выходу. — Увидимся через две недели. — Шагнув через порог, он останавливается и бросает взгляд через плечо: — С'днем рождения, кстати.— Дверь захлопывается.
После того как он ушел, я несколько минут стою посередине комнаты, ожидая, пока напряжение в грудной клетке утихнет. Я достаю магазинный кекс из упаковки, кладу его на кофейный столик и вставляю в него свечку. Ровно без пятнадцати восемь я поджигаю свечку и задуваю ее.
Еще один год — и мне не придется иметь дело с доктором Бернхардтом или другими докучливыми взрослыми из госопеки. Нужно просто дотянуть до восемнадцати, не потерять работу и не задерживать квартплату. И тогда мне не нужна будет никакая опека. Я стану свободной.